

УЛИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ*

(По поводу 6-й главы 5-й части романа "Обрыв")

Источник: Собрание сочинений в двадцати томах М., "Художественная литература", 1970. Том девятый. Критика и публицистика (1868--1883) Примечания Д. И. Золотницкого, Н. Ю. Зограф, В. Я. Лакишина, Р. Я. Левита, П. С. Рейфмана, С. А. Макашина, Л. М. Розенблюм, К. И. Тюнькина
OCR, Spellcheck -- Александр Македонский, май 2009 г.

Если вам случается, читатель, слышать в так называемом обществе, с одной стороны, сетования на слишком широкие размеры, принимаемые жизнью, с другой стороны, разнообразные предположения по части укорочения ее -- вам, конечно, могут подобные бессознательные толки в значительной степени опротиветь, показаться несносными, нелепыми, но ни в каком случае они не удивят и не приведут вас в негодование. Мало ли всякого люда шатается по улицам? Разве можно за всяким усмотреть, всякого переспорить, всякого вразумить? Да и вразумлять этот "шлющийся народ" -- далеко не легкое дело; это значило бы с каждым проходящим начинать с азбуки, что, очевидно, может быть с успехом выполнено только приходскими училищами, которые с тою целью и устроены, чтобы в них обучались люди всякого рода "начаткам".

Поэтому, когда вы слышите на улице голословные изветы против якобы господствующего в современном поколении духа отрицания; когда вы слышите, что людей, ищущих отнестись к жизни сознательно, называют чуть-чуть не негодьями и разбойниками; когда вы видите людей малосмысленных, бессмысленно вращающих глазами по поводу таких вопросов, которых они даже изъяснить себе не могут, -- вас может это встревожить только с точки зрения абстрактной и гуманной. Быть может, вы были убеждены, что сумма знаний, увеличиваясь непрерывно, вместе с тем делается более и более доступною и для масс; что факты, которые в прежнее время стояли под защитою темных и голословных аксиом, отнюдь не перестали быть фактами оттого только, что они переменили эту ненадежную защиту на более прочную защиту разума, -- и вот уличная толпа уверяет вас в противном. Она громко заявляет себя сосудом не в смысле накопления знаний, а в смысле накопления невежества; она протестует против вмешательства разума в дела мира сего и становится на сторону бессознательности, случайности и произвола, как таких форм, в которых наиболее удобным образом укладывается человеческая жизнь. Это вас огорчает. Но, повторяем, ваше огорчение в этом случае имеет чисто абстрактный характер. Взятый в отдельности, ни один из членов невежественной толпы не может возбудить вашего негодования. Вам заранее известно, что все, что там ни делается, в этой темной пучине, делается или по привычке, или по неведению. Вы знаете, что если эта уличная толпа, с которой вы на каждом шагу встречаетесь, и обучалась когда-то каким-то "начаткам", то она давно забыла их и даже это скудное знание заменила так называемою житейскою мудростью или, попросту, рутиною; в противном случае, она, конечно, не приходила бы в ужас от таких, например, истин, что гром есть явление объяснимое и что реки текут не к источникам, а к устьям не по щучьему велению, а по причинам, удовлетворительно раскрываемым законами природы.

Сказавши себе раз навсегда, что толпа обогащается знаниями медленно, вы легко можете установить свои отношения к ней. Что бы она ни говорила, как бы ни шипела против пытливости человеческого разума -- все это будет для вас делом посторонним, не требующим ни возражений, ни препирательств. Вы идете по улице и говорите себе: я иду тут, потому что мне нельзя сделать иначе; покорюсь этой необходимости и постараюсь сделать так, чтобы как можно меньше слышать, как можно меньше видеть, как можно меньше обонять. Заручившись таким благоразумным решением, вы, в согласность ему, принимаете меры, которые наиболее действительным образом могут оградить вас от неприятных ощущений. Вот все, к чему вы обязываетесь в видах самосохранения.

Но когда мирозерцание, совершенно понятное и уместное, если вы знакомитесь с ним в таком философском трактате, как, например, "Голубиная книга", проникает в литературу; когда эта последняя, вместо того чтобы пробуждать общество, ищет усыпить его, вместо того чтобы сеять в нем мысль о необходимости сознательного отношения к жизни, еще более усиливает и без того сильные опасения тех откровений, которые влечет за собой беспристрастный анализ понятий, явлений и форм, -- тогда, говорим мы, равнодушие становится делом гораздо менее легким. Литература и пропаганда -- одно и то же. Как ни стара эта истина, однако ж она еще так мало вошла в сознание самой литературы, что повторить ее вовсе